

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

«Литературный КОММУНИЗМ»

*« Литература не может взять на себя задачу установить коллективную
необходимость.*

Жорж Батай

Нам досталось сообщество прерванного мифа, то есть сообщество, в определённом смысле лишённое сообщества, или же коммунизм без сообщества. Сообщество (или коммунизм) - это наше призвание, взгляд в наиболее подлинное будущее. И это не какое-то «будущее» с осуществлением конечной реальности в назначенный срок, используя определённые методы. Иначе реальность и эффективность подобной идеи были бы мифическими.

Сообщество без сообщества есть будущее в смысле постоянного возникновения в недрах любой коллективности (непрерывная явленность, всё время сопротивляющаяся как самой коллективности, так и индивиду). Являясь перед другими, сообщество репрезентирует выход к пределу, к тому самому пределу, к которому все мы раскрыты, призваны и направлены. Этот призыв, объединяющий нас и адресованный друг другу на пределе (всегда разный и одновременно тот же самый), можно назвать письмом или литературой. Однако сущность его, как известно, не заключается в бытии «литературным объектом» (будь то искусство или стиль, производство текстов, коммерция, коммуникация мысли и воображаемого и т. д.) и не включает в себе «призыва» в воззваниях, прокламациях, декламациях и изливаниях патетической субъективности. Лишь прерывающий жест, черта - насечка и/или надпись - отшлифовка и мифическая сцена⁷⁴ составляют его сущность.

Процесс прерывания мифа, безусловно, столь же стар, сколь и его выказывание или именование «мифом». Это значит, что «литература» берёт своё начало... из литературы (эпической, трагической, лирической, философской: эти названия мало что значат). Осуществлённая мифическая сцена - сцена прожитого опыта и перформации мифа - есть монтаж в определённом, достаточно старом смысле, укоренённом в нашей истории только потому, что в конце концов эта сцена представляет собой сцену литературного мифа, сцену, (воссозданную литературой с единственной целью стереть черту письма, при помощи которой она рассекла миф.

В конце концов, это может значить, что миф - всего лишь литературное изобретение. Литература, прерывающая миф, не прекращает восстанавливать преемственность по ту сторону этого прерывания.

Ей не известно, что было прервано: известно только, что она ведёт свое начало от штриха, сечения и называет «мифом» наличную репрезентацию по ту сторону этого штриха. Следовательно, её собственный миф состоит в восстановлении связей с «мифом», в самовоссоздании в «мифе» (в его поэтической и перформативной силе), то есть в себе самой... Но куда миф преследует литературу, письменный штрих, не боясь этих посещений, вынужден снова и снова прерывать миф.

Литература поддается прерыванию: именно поэтому она и является литературой (письмом), а не мифом. Или скорее: литература (или письмо) - это то, что может быть прервано - будь то дискурс или пение, жест или голос, рассказ или свидетельство. Всё это прерывает или приостанавливает её собственный *uvtos* (то есть её Логос).

Эта неопределенность сродни литературному коммунизму вне слияния единичных сущих. Здесь имеет место имение-место, само лишённое места, пространства, сохраняемого или предназначенного для присутствия сообщества: его нет ни в произведении, способном создать сообщество, ни, тем более, в сообществе как произведении (будь то Семья, Народ, Церковь, Нация, Партия, Литература или Философия). Сообществу присуща лишь непроизводимость, в том числе и всех его произведений.

Сообществу свойственна непроизводимость произведений индивидов («писателей», независимо от способа их письма) и непроизводимость произведений, создаваемых сообществом из недр самого себя: будь то народы, города, сокровища, наследия, традиции, капитал и коллективная собственность знаний и производства. Одна и та же непроизводимость характеризует произведения в сообществе и произведения самого сообщества (впрочем, принадлежат друг другу, оба могут быть как присвоены, так и непроизводимы другим). Их подлинной сутью не является законченность, субстанция или единство произведений. Однако в произведениях нечто выказано вовне, бесконечно рождается и завершается по эту и по ту сторону их действительной насыщенности: так называемые боги, люди, животные сами выставлены в показе друг к другу в этом выказывании, создающем произведение и являющемся его центром, одновременно разрушающем насыщенность, дарованную в бесконечной коммуникации сообщества.

Необходимо чтобы «произведение» - независимо от того, что обозначено при помощи этого слова и о каком бы сообществе, представленном в виде произведения не шла речь (одно существует в другом, их успех зависит друг от друга, может стать капиталом или же снова быть выставленным в показе), - было открыто к коммуникации.

Это не значит, что произведение должно быть «коммуникабельно» и не подразумевает наличие интеллигибельной или удобной для передачи формы. Речь не идёт об идее: книги,

музыка, народ не суть носители или передатчики идеи. Идеиная функция касается общества и её нет в сообществе. (Поэтому подавляющее большинство критических замечаний в адрес «элитного» характера произведений не уместны: коммуникация писателя с тем, кто не может являться его читателем, будучи лишён информации и образования, тоже существует, хотя в ней не передаётся сообщения⁷⁵.)

Произведение, дарованное в коммуникации, обретает своё подлинное существование. Оно предлагается, представляется и оставляется для разделения единичными сущими на их общем пределе. Необходимо, чтобы произведение в момент завершения его как проекта, так и текстуры было оставлено на этом пределе. Это возможно, если само произведение служит не иначе как начертанию и обновлению предела. Сказать иначе, если оно создаёт не что иное, как записывание оппозиции единичность/сообщество или само записывается как единичное/общее, как бесконечно единично/общее.

(Я говорю: «необходимо...», но это нельзя приказать волевым актом. Это не может стать объектом морали или политики сообщества. И тем не менее это предписано... Во всяком случае политика может преследовать цель дать «зелёный свет» такому предписанию).

Итак, если произведение даровано в коммуникации, она вовсе не совершается в общем пространстве. Я повторяю: общим является только предел или граница, это - не место, а его разделение, опространствливание. Произведение может быть только общим (в некотором смысле оно всегда является таковым: никто не пишет и не действует в одиночку, и «единичное бытие» не может быть репрезентировано изолированным индивидом, а скорее, напротив). Дарованное в своей непроизводимости, оно не является частью общей субстанции, не циркулирует в общем обмене. Оно не создаётся как произведение в сообществе и не участвует в коммерческом обмене общества. Как только произведение оставлено на границе, приобретённые им коммуникативные качества не заключаются в его внутреннем единстве или в обширном распространении. Произведение вступает в коммуникацию тем способом, который Маркс описывает как «социальный» характер труда в примитивных «коммунах»:

“ «В патриархальном деревенском производстве (...), где прядильщик и ткач жили под одной крышей, женщины пряли и мужчины ткали только для удовлетворения нужд своей семьи, нить и холст являлись общественным продуктом, а сами эти занятия были общественной работой в границах одной семьи. Однако их социальный характер не заключался в том, что нить в виде общего эквивалента обменивалась на ткань, другой общий эквивалент, или что то и другое обменивалось в виде эквивалентных выражений одного и того же времени общественного труда. Напротив, это семейная организация с её естественным разделением труда сообщала продукту его частный социальный характер. (...) Труд, детерминированный индивидом, поставляемый в натуральном виде, конституирует социальную связь; это - частный, а не общий характер труда (...). Сообщество, существующее до производства, препятствует труду индивидов являться частным трудом и продукту их производства быть частным продуктом; оно

заставляет индивидуальный труд проявиться в виде прямой функции члена социального организма»⁷⁶.

В данном случае не столь важно зафиксировать ретроспективную иллюзию этой интерпретации, представленной у Маркса в виде истины «совместного труда в его примитивной форме, в том виде, в каком мы встречаем его в исторических недрах всех цивилизованных народов». Мысль о сообществе является здесь единственно значимой, несмотря на ностальгическую идеологию, свойственную ему как и многим другим. Мысль о сообществе - это не идиллический рассказ, способный преобразоваться в утопическую перспективу. Сообщество означает определённую, социально выказанную особенность, противопоставленную социально разорванной капиталистической общности. Событие марксистской мысли, не потерявшее своей актуальности, заключается в открытости этой мысли⁷⁷.

Капитал отрицает сообщество, утверждая прежде всего идентичность и всеобщий характер производства и результата как деятельную сопричастность и всеобщую коммуникацию произведений. (Относительно его игры преумножения разнообразий можно безошибочно сказать: различие не свойственно произведению или продукту как таковому.) Выше уже было сказано, что это - произведение смерти. Это - произведение смерти капиталистического коммунизма (включая так называемое «продвинутое либеральное общество») и коммунистического капитализма в том числе (названного «реальным коммунизмом»). На определённой дистанции от того и другого и сопротивляясь тому и другому в любом обществе присутствует то, что Маркс связывал с сообществом: разделение целей, не разделяющее предданного общего (как если бы можно было заранее знать и программировать общую цель общества и человечества... Одно лишь накопление капитала может претендовать на репрезентацию подобной общей цели), сочленяющее единичности друг с другом. Это - «социальность» в виде разделения, а не слияния, в виде выказывания, а отнюдь не имманентности⁷⁸.

Это имплицитно содержится у Маркса, именно до такой логической черты необходимо развить его мысль - в том смысле, что «мы можем только пойти дальше». На это, впрочем, он постоянно указывает, предлагая идею «индивидуальной собственности» на пределе своей мысли, вне связи с частной собственностью и её социалистическим упразднением (например: «Действительно общественную собственность и собственность индивидуальных собственников, а не союз этих собственников, существующих в полисе иначе, чем частные индивиды»⁷⁹). Так Маркс обозначает сообщество, сформированное из сочленения «особенностей», а не основанное на автономной субстанции в себе, поглощающей или включающей в себя единичные сущие. Если сообщество «считается первичным по отношению к производству», то отнюдь не в виде общего бытия, предшествующего произведениям и способного быть реализованным в них, а как бытие вместе единичных сущих.

Это значит, что сочетание, базовое для формирования и разделения сообщества, не представляет собой органического сочетания (хотя у Маркса оно обозначено именно так, а не иначе). Несомненно, что сочетание является важнейшим элементом для единичных сущих: они представляют собой подлинное самих себя в меру их сочетаемости друг с

другом, в той степени, в какой они распределяют и разделяют свои усилия, различия, искажения, частные случаи и т. д., совокупность которых образует их бытие-вместе. Данное условие означает, что эти единичности, созданные друг для друга, конечны. Как необходимое следствие признаётся тот факт, что они имеют отношение к цельности в силу глубины свойств единичностей и игрой своих сочетаний, создающих общее конечное бытие - или общую цель (сообщество) всех конечных сущих. Стало быть, это походит на организм. Впрочем, цельность или целое сообщества не является органичной цельностью.

Органичная цельность - это цельность, когда взаимное сочленение частей мыслится исходя из общего инструментального закона, ко-операция которого производит и поддерживает цельность как форму и конечный разум ансамбля (по крайней мере, начиная с Канта под этим подразумевают «организм»: однако это вовсе не значит, что живое тело можно помыслить только исходя из подобной модели). Органичная цельность есть цельность операции как способа и конечного произведения. Однако цельность сообщества, сопротивляющегося реализации своего собственного произведения - это цельность сочлѐнных единичностей. Сочленение - это не организация. В ней нет мотива средства, операции или произведения. Само сочленение не связано с системой деятельности конечных сущих - хотя оно всегда может быть добавлено к такой системе или быть в неё включѐнной. Сочленение само по себе - это лишь некий шарнир или, точнее, вращение шарнира, присутствующее там, где различные части соприкасаются без их смещения, они соскальзывают, вращаются, раскачиваются в сторону друг друга, к пределу друг друга или, точнее, к своему собственному пределу, - там, где эти единичные и различные части сгибаются, поднимаются, подгибаются или напрягаются вместе и с помощью друг друга. Однако эта взаимная бесконечная игра между собой не формирует субстанции и высшей силы Целого. Сама цельность есть игра соединений. Поэтому целое единичностей, действительно являясь целым, не замыкается на себе, желая достичь своего могущества: это целое есть открытость единичностей в своих взаимосвязях, след и пульсация их пределов.

Эта цельность есть цельность диалога. Существует миф диалога - миф «интерсубъективного» и внутривполитического основания логоса и его единой истины. Кроме того, этот миф прерывается: отныне диалог воспринимается лишь как коммуникация некоммуникабельной оппозиции единичность/ сообщество. Отныне я больше не слышу в ней того, что хочет (мне) сказать другой, но я способен слышать голос другого или разговор о нём как и само существование смысловой архи-артикуляции голосов, создающее бытие вместе: голос артикулируется всегда в себе самом (отличный от самого себя, различающий сам себя). Поэтому не существует общего голоса, а лишь многочисленные голоса единичных сущих. В этом смысле диалог не представляет собой «оживления Идеи в субъектах» (Гегель), а реализуется лишь в словесной артикуляции: артикулированный по-разному в самом себе и для другого, на пределе самого себя и другого, в точке, являющейся точкой опространствования единичного бытия - опространствующего себя и других, отныне конституирующий бытие сообщества.

Подобная речевая артикуляция, диалог или, скорее, разделение голосов, представляющие собой артикулированное бытие самой речи (или его записанное бытие), является «литературой» (в этом смысле само искусство обязано своим названием тому же этиму

сочленения и дис-позиции сочленения).

В этом смысле без всякого преувеличения можно сказать, что сообщество у Маркса является литературным сообществом, или, по крайней мере, оно открыто к такому сообществу. Сообщество как сочленение, а не организация находится «по ту сторону сферы материального производства в собственном смысле», где «начинается расцвет человеческих возможностей, приводящий к концу сообщества, или настоящее царство свободы»⁸⁰.

Внешне заметная доверительность эпитета «человеческий» в конечном итоге является преувеличением: ибо непроектируемое сообщество, сообщество сочленения не может быть просто человеческим именно в силу предельной, но решающей простоты. В подлинном движении сообщества, в артикулируемом окончании (в спряжении, дикции) речь идёт не о человеке, а о его конечной природе. Конечная природа человека не означает его цели или завершения. Речь именно идёт о пределе, которого способен достичь только человек и, достигнув которого, означает для него перестать быть просто человеческим, слишком человеческим.

Он не перевоплощается ни в бога, ни в животное. Здесь вовсе не происходит никакого перевоплощения. Он остаётся человеком, вычлененным из природы, лишённым как имманентности так и трансцендентности. Однако всё-таки оставаясь человеком - на пределе (неужели человек есть нечто иное, чем предел?), он не утверждает никакой человеческой сущности. Напротив, он заставляет проявиться такую крайность, где больше не возможна никакая человеческая сущность. Человек - это предел: он выказывает себя к своей собственной смерти, к другому, к своему бытию-вместе, сказать иначе, единично выказывает себя к своей единичности.

Единичное бытие - это не общее бытие или индивид. Существуют понятия общего бытия и индивида как и сам смысл общего и индивидуального. Однако это не относится к единичному бытию. Нет единичного бытия как такового, а есть субстанциальная единичность самого бытия (конечность, в терминологии Хайдеггера), что отнюдь не одно и то же. Это значит, что «единичное бытие» не есть вид сущего среди сущих. В определённом смысле всякое сущее абсолютно единично: ни один камень не способен заменить собой другой камень. Однако единичность бытия (бытие даётся в единицах, здесь нет ничего общего с идеей нераздельности, из которой формируется индивид; напротив, единичность единичного бытия непрерывно разделяет бытие и сущих, или, скорее, разделяет бытие сущих, существуя лишь в разделении единичное/общее) единична исходя из выказывающего её предела: человек, животное или бог до сих пор являются различными названиями этого многоликого предела. По определению, факт выказывания вовне влечёт за собой риск, а может и принести шанс возможной смены идентичности. Ведь ни боги, ни люди, ни животные не подтверждают своей идентичности. Таким способом они разделяют общий предел выказывания к своей собственной конечности, и конец богов подтверждает эту мысль.

Разделение этого предела напоминает сплетение, где миф структурирует и связывает воедино людей, богов, животных и цельность мира. Миф непрерывно повествует о переходе

этого предела, о сопричастности, имманентности или смешении. Письмо или «литература», напротив, записывают разделение: единичность в конце концов воплощается и отдаляется (она никогда не воплощается как нераздельная и не создаёт произведения). Единичное бытие воплощается на пределе, а значит, воплощается только как разделённое. Одно единичное сущее («вы» или «я») в точности повторяет структуру и природу некоего «литературного» сущего, поскольку существует лишь в коммуникации, приближаясь и отдаляясь, и дарует нам себя как незавершённое.

Чем становится единичное бытие в коммуникации письма? Ничем большим, чем оно уже является: своей собственной истиной, оно становится просто *истиной*.

В мифической мысли это недостижимо, для неё «проблема истины больше не ставится», как писал Беньямин⁸¹. В мифе и в мифической литературе сущие не дарованы нам в своей единичности, однако их отличительные черты вносят определённый вклад в систему «образцовой жизни», откуда ничего нельзя убрать, где ничто не существует вне единичного предела, а, напротив, всё сообщается и подлежит идентификации (это возможно как в чтении, так и в письме и зависит от способа записывания, операции или непроизводимости произведения в сообществе).

Это отнюдь не значит, что мифическая литература может быть только литературой героев, тогда как подлинная литература знает лишь анти-героя... Речь не идёт о моделях или литературных жанрах. Различные сюжеты могут быть разыграны в разнообразных жанрах. Речь идёт лишь о существовании подобного произведения в сообществе, каков бы ни был его жанр или герой: Ахилл, Сократ, Блум, теогония, размышления о методе, исповеди, человеческая или божественная комедия, безумие дня, воспоминания дочери народа, переписка, ненависть поэзии - вместо того, чтобы закончить это произведение, коммуникация прерывает сотворение героико-мифического образа, предложить который она не упускает случая (образ героя в строгом смысле слова, образ автора, образ самой литературы или мысли, коммуникации, образ вымысла или образ истины...). Ибо непроизводимость даруется именно там, где письмо не завершает образа или наглядного изображения, следовательно, не предлагает его и не навязывает ему определённого содержания или образцового, сказать иначе, легендарно - мифического послания. ⁸¹

Это не значит, что произведение отказывается от презентации какого-либо примера, иначе оно не могло бы стать произведением и перестало бы существовать⁸². Если же это - произведение, то по крайней мере оно предлагает самого себя (и одновременно своего героя, автора и т. д.) как путь, должный служить показательным примером на каком-либо основании и в минимальной степени. В конце концов нечто, отвечающее в произведении на вопрошания письма и сообщества проясняет через подобный путь (в виде ещё одного примера...) предел - подвешенность, прерывание - своей собственной образцовости. Оно позволяет услышать (прочсть) вычленение его единичности и сообщает тот факт, что единичные сущие никогда не являются друг для друга оригинальными образами, точками или силами идентификации. Не-производимость присутствует в коммуникации отдаления

единичности на сам предел, где она преподносит себя как образец, на тот предел, где единичность создаёт и заново воссоздаёт свой собственный образ и свой собственный пример. Разумеется, этого лишено всякое произведение: это никогда не могло существовать в виде образца, будь то в стирании или выставлении напоказ, но это разделяют все произведения, ведь это даровано сообществу, ибо тем самым сообщество выказано в произведении как непроемкость.

Здесь мифический герой и героический миф прерывают свою игру и свою эпопею. Этот герой говорит правду о том, что он вовсе не является героем письма или литературы. Он повествует об отсутствии героя и какого бы то ни было образа, способного суммировать и репрезентировать героизм жизни и смерти заурядных единичных существ. Он возвещает истину прерывания собственного мифа, истину прерывания всех утверждающих, творческих и поэтизированных речей, схематизирующих мир и воображающих его начало и конец. Он добавляет ещё и то, что основание, поэзия, схема дарованы всем и каждому члену сообщества. Мы приобщаемся к ним и постигаем отнюдь не смысл сообщества, а бесконечный резерв общих и единичных смыслов.

Если герой письма в сообществе вычерчивает прерывание героического мифа, это не значит, что его жест полностью лишён чего-то, что можно назвать героизмом, по крайней мере в нём присутствует смелость. Единичный голос прерывания не лишён смелости. Однако это дерзновение не пытается высказать нечто, что опасно провозглашать. Разумеется, такое дерзновение существует, но дерзновение прерывания скорее заключается в том, чтобы осмелиться молчать, или же, выражаясь более обстоятельно, заключается в том, чтобы сказать себе нечто, что ни один, способный высказываться индивид не смог бы выразить: этот голос не может принадлежать ни одному субъекту, а речь не способна быть сентенцией никакого ума и представляет собой лишь голос и мысль сообщества в прерывании мифа. Один голос прерван и прерывание остаётся без голоса, без какого-либо частного или общего голоса.

Всё вышесказанное предварительно было названо мной «литературным коммунизмом». Коннотация этого выражения никак не связана ни с идеей «коммунизма», ни с идеей «литературы» в том виде, в каком мы привыкли их воспринимать. «Литературный коммунизм» упомянут с провокационной целью - хотя подобное название сохраняет необходимое почтение к тому, что коммунизм и коммунисты, с одной стороны, литература и писатели, с другой, обозначили как эпоху в нашей истории.

Фактически речь идёт об артикуляции сообщества. В некотором смысле «артикуляция» означает «письмо», то есть записывание смысла, трансценденция или присутствие которого неопределённо и конститутивно замедлены. В некотором роде «сообщество» означает присутствие бытия-вместе, имманентность которого невозможна, за исключением произведения смерти. Это предполагает, что ни литературное творчество, ни коммуникация не способны ответить на двойственное требование «литературного коммунизма»: одновременно противостоять молчаливой имманентности и трансцендентности Глагола.

Необходимость «литературного коммунизма» существует потому, что существует сообщество - непроемчивое, сопротивляющееся в недрах всяческой коллективности и в сердце каждого индивида, и потому, что миф прерывается, разделённый своим собственным выражением. Сказать иначе, в силу необходимости мысли, практики разделения голосов, артикуляции, в которой существует единичность, выказанная к другим, и сообщество, дарованное на пределе единичностей.

Этим не определяется «социальность» в частном смысле и не основывается политика, если вообще возможно «основать» политику. По крайней мере так можно обозначить предел, где начинается и заканчивается любая политика. Коммуникация на этом пределе, поистине, его конституирующая, настаивает на предназначении себя общему делу. Этот способ открытия сообщества к самому себе, скорее чем навстречу своей судьбе или будущему, называется политикой. По крайней мере «литературный коммунизм» указывает на то, что сообщество в своём бесконечном сопротивлении завершению (во всех смыслах этого слова) означает неустранимую политическую необходимость, которая, в свою очередь, требует от «литературы» фиксации нашего бесконечного сопротивления.

Это не означает определённой политики или определённого письма, а, напротив, приводит к сопротивлению всяким определениям и программам, будь то политические, эстетические или философские. Однако это не применимо к любой «политике» или к любому «письму». «Литературный коммунизм» предназначен для подобного сопротивления, предсуществуя в недрах сообщества и предшествуя всем нашим изобретениям. Политика, ничего не желающая знать об этом, есть мифология или экономика. Литература, не желающая этого знать, есть развлечение или ложь.

Здесь можно поставить точку. Предоставим читателю право самому разобраться в том, что никто, ни один субъект не способен высказать, и тем не менее это нас всех выставляет в покое.

Версия #1

Зверобой создал 23 января 2026 21:18:44

Зверобой обновил 23 января 2026 21:21:58